

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМПЕРСКОГО ЦЕНТРА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН В ВОЗЗРЕНИЯХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИВНОГО МЫСЛИТЕЛЯ С.Ф. ШАРАПОВА*

* Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 "Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли".

THE PROBLEM OF INTERACTION OF THE IMPERIAL CENTER AND THE NATIONAL PERIPHERIES IN THE OPINIONS OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE THINKER S.F SHARAPOV

M. Krot

Annotation

The article examines one of the aspects of the rich creative heritage of a prominent conservative publicist and public figure of the turn of the XIX – XX centuries is considered. S.F. Sharapov, related to the issue of the situation of national peripheries in the Russian Empire. This problem was touched upon by the thinker in the context of his global project of administrative and political reorganization of the country, involving the introduction of broad self-government. The article analyzes the models of interaction between the imperial center and various peripheries districts proposed by Sharapov, describes his attitude to the national policy pursued by the government, reveals the ideological and philosophical foundations of his views on this issue. It is concluded that his program with respect to the national peripheries combined various models of ethnoconfessional politics, representing a flexible and situational model for solving the problem of preserving the integrity of the Russian Empire.

Keywords: S.F. Sharapov, the Russian Empire, national suburbs, conservatism, self-government, russification.

Крот Максим Николаевич

*Н.с., Южный научный центр
Российской академии наук;
К.и.н., доцент, Южный федеральный
университет, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов богатого творческого наследия видного консервативного публициста и общественного деятеля рубежа XIX – XX вв. С.Ф. Шарапова, связанный с вопросом о положении национальных окраин в составе Российской империи. Данная проблема затрагивалась мыслителем в контексте его глобального проекта административно-политического переустройства страны, предполагавшего введение широкого самоуправления. В статье анализируются модели взаимодействия имперского центра и различных окраин, предлагаемые Шараповым, характеризуется его отношение к проводимой правительством национальной политике, выявляются идейно-философские основы его воззрений по данному вопросу. Делается вывод о том, что его программа в отношении национальных окраин сочетала в себе различные модели этноконфессиональной политики, представляя собой гибкую и ситуативную модель решения проблемы сохранения целостности Российской империи.

Ключевые слова:

С.Ф. Шарапов, Российская империя, национальные окраины, консерватизм, самоуправление, русификация.

Политика имперского центра в отношении национальных окраин к началу XX столетия становится чрезвычайно актуальной и острой проблемой, привлекающей внимание различных общественных сил и политических кругов России. Актуализация данного вопроса была связана с двумя разнонаправленными, но тесно взаимосвязанными процессами.

С одной стороны, это своеобразный "вызов национализма" на имперских окраинах, характерный для многих стран Европы XIX – начала XX вв., выразившийся в формировании национальных интеллектуальных элит, росте

интереса к своему историческому прошлому, стремлению к получению национального образования, развитию собственных литературных языков, усилению национального самосознания. С другой стороны, это стремление имперских властей к унификации всех частей империи в административном, правовом и социокультурном аспектах, к укреплению управленческих связей между центром и периферией, к предотвращению и подавлению зарождавшихся идей национальной самостоятельности, в которых усматривали сепаратистские настроения. Данная тенденция нашла свое воплощение в комплексе унифицирующих, а порой и дискриминационных

мер имперских властей, обозначаемых общим термином "политика русификации".

Ужесточение этой политики было обусловлено сложным комплексом объективных и субъективных причин, среди которых необходимо выделить характерное для российского самодержавия конца XIX – начала XX вв. стремление к реализации консервативно-охранительной концепции внутривнутриполитического развития, а также усиливающиеся интеграционные процессы в экономике, активизировавшиеся миграции населения, требовавшие единого правового и культурного пространства [5, с. 31]. Помимо этого, нельзя не согласиться с тезисом о разочаровании имперского правительства в возможностях мирной и либеральной ассимиляции окраин, способствовавшей автономизации окраин и влиянии этноконфессиональной политики европейских государств, значительно дальше России продвинувшихся в деле построения национальных государств [11, с. 243 – 244].

Русская общественная мысль и, особенно, её консервативное направление, пользовавшееся на рубеже XIX – XX вв. большой популярностью и влиянием в различных слоях российского общества, не могла не обратить свое внимание на данную проблему, которая становилось все более сложной и острой. Несмотря на то, что национализм и идея единого и неделимого Российского государства, в котором политическое господство принадлежало бы русскому народу, занимали важное место в концепции консерваторов, они крайне неоднозначно относились к жестким и прямолинейным мерам имперской власти в деле реализации политики русификации, подвергая резкой критике методы ее проведения и ставя вопрос о ее принципиальной целесообразности в отношении ряда окраин [См. подробнее: 23, р. 363 – 365].

Одним из ярких представителей русской консервативной мысли, имевшим особое видение проблемы национально-территориального устройства России и отстаивавшим свою точку зрения на характер взаимодействия окраин и центра был публицист, издатель и общественный деятель Сергей Фёдорович Шарапов.

Воззрения и общественная деятельность С.Ф. Шарапова лишь в недавнее время стали объектом серьезного научного изучения, хотя следует отметить, что полного освещения разносторонней деятельности и богатого интеллектуального наследия этого яркого и широко известного в конце XIX – начале XX вв. мыслителя в настоящий период еще нет. Зачастую многие публикации, посвященные данному деятелю, несут характер кратких биографических статей, включенных в различные сборники, где дается лишь самый общий обзор основных вех его жизни и творчества [7, с. 59–63; 12, с. 453–472]. Большое значение для изучения творчества Шарапова имеет публикация его избранных трудов в рамках проек-

та "Библиотека отечественной общественной мысли" с вступительной статьей крупного современного исследователя русской консервативной мысли А.В. Репникова [18]. Рассматривая творчество Шарапова, исследователи сосредотачиваются преимущественно либо на его социально-экономических воззрениях, оппозиционного курсу, проводимому министерством С.Ю. Витте [9; 3; 4], либо анализируют его проекты территориально-политического переустройства России [14]. Позиция мыслителя по национальному вопросу если и затрагивалась исследователями, то лишь в контексте решения иных, более общих задач [8, с. 143 – 144; 6, с. 99]. В связи с этим, рассмотрение воззрений Шарапова по проблеме взаимодействия национальных окраин и центра, занимавших немаловажное место в его идейном наследии, представляется весьма значимой исследовательской задачей.

Обращение Шарапова к проблеме управления национальными окраинами осуществлялось в рамках его главной политической идеи, отстаиваемой им на протяжении всей жизни, – установления в России государственно-земского строя, путем введения широкого самоуправления, встроеного в самодержавную политическую систему. По мнению мыслителя, данная концепция должна была стать альтернативой бюрократической системе управления и воплотить на практике исторический опыт допетровской Руси, отделив государственное управление от земских дел. Своей политический идеал Шарапов впервые в общих чертах обрисовал на страницах редактируемой им газеты "Русское дело" в 1888 г. [13], но в завершённом виде изложил в своем наиболее известном политическом сочинении "Самодержавие и самоуправление", впервые опубликованном в 1899 году в Берлине. Впоследствии работа неоднократно переиздавалась, рассылалась автором в губернские земства и дворянские собрания, пользуясь известностью в консервативных кругах русского общества. Ее основные идеи были отражены и в известных политико-фантастических сочинениях мыслителя "Диктатор" и "Через полвека", в которых он в утопической форме изображал практическую реализацию своих замыслов.

Опираясь на основные постулаты своей концепции, характеризовавшиеся им как "славянофильская программа государственного устройства", Шарапов подвергал критике либерально-конституционный путь развития страны, отстаиваемый оппозиционными силами накануне и во время революции 1905 – 1907 гг. В своем открытом письме к членам совещания земских деятелей в ноябре 1904 г. он указывал на то, что введение парламентского строя при ограничении самодержавной власти не только не ослабит, но, напротив, усилит бюрократический произвол, единственный способ обуздать который он видел в децентрализации государственного устройства [2].

Согласно предлагаемой Шараповым концепции, страна должна была разделяться на несколько крупных территориальных земских областей, обладающих широким самоуправлением, но подчиняющихся общеимперскому законодательству. Областное управление должно было обладать правом издавать местные законы, устанавливать налоги и сборы, избирать представителей в общеимперские совещательные органы; оно ведало вопросами охраны правопорядка, образования, социально-экономического развития области. При этом, по мнению мыслителя, губерния, как промежуточная и ненужная административная единица, должна быть ликвидирована, поскольку она "слишком мала и бедна для широкого самоуправления, с местным законодательством, местным судом и широким разветвленным местным хозяйством" [21, с. 39]. Многочисленные губернии должны быть "слиты" в "естественные" области, однородные по племенному составу жителей, по главному роду промышленных занятий, по характеру населения, по географическим условиям.

Предвидя обвинения со стороны правых сил, резко критически относившихся к любым формам децентрализации, в стремлении расчлнить Россию, установив в ней федеративное устройство, Шарапов указывал на то, что именно в предлагаемой им форме возможно осуществление принципа истинного Самодержавия во всей его полноте, свободного от бюрократической узурпации власти. Говоря о децентрализации, мыслитель опирался на сложившееся в российской юридической традиции понимание этого термина в смысле перераспределения власти между центральными и местными органами управления, которое было связано с идеей местного самоуправления, наличие которого никоим образом не подрывало единство государства. Понятие федерация находилось вне данного смыслового ряда, поскольку трактовалась не как следствие планируемой децентрализации, а как результат процесса объединения прежде независимых субъектов и промежуточный этап на пути их полного слияния [16, с. 118 – 119].

Согласно проекту Шарапова, предлагалось создать двенадцать "коренных русских" областей и шесть "иностранческих", которые должны были различаться и по своей форме, и по организации системы управления.

Примечательно, что в состав коренных русских областей, которые, по его выражению, "не допускают никаких сомнений относительно своего русского характера и вряд ли могут возбудить в ком-нибудь мысль о возможности нарушения государственного единства", Шарапов включал Юго-Западную область (Малороссию), Бессарабию, а также большую часть Северного Кавказа в составе Ставропольской и Черноморской губерний с казачьими землями Кубанской и Терской областей. Помимо этого, коренными русскими землями признавались все

сибирские губернии, а также киргиз-кайсацкие и северо-туркестанские степные районы [21, с. 40–41].

Таким образом, Шарапов фактически лишал целый ряд территорий их "окраинного статуса", относя их к коренным русским областям на основании преобладания в них "русского" населения, под которым он, очевидно, понимал тех, кто придерживавшееся православного вероисповедания. Национальный и географический факторы при этом в расчет не брались.

К инородческим областям, выделяемым "по преобладанию в них инородческого населения", относились Финляндия, Польша, Литовско-Белорусская, Прибалтийская, Средне-Азиатская и Закавказская области.

Шарапов неоднократно подчеркивал, что проведение единой политики по отношению к инородческим окраинам России, чрезвычайно разнообразным в этнографическом, социальном и культурном плане, принципиально невозможно, как невозможно и их единообразное управление, и устройство. Политика имперского центра по отношению к каждой из окраин, таким образом, должна была выстраиваться по особому сценарию.

Исходя из этого, Шарапов выступал против какой-либо русификации Финляндии и Польши, указывая, как на бесперспективность усилий в этом направлении, так и на прямую вред данной политики для русского населения, которое может подвергаться эксплуатации более развитых в культурном и экономическом отношении финнов или поляков [21, с. 46–47]. Он считал, что следует в большей степени заботиться об изоляции данных окраин от России, нежели создавать там "искусственных русских", что может превратить Финляндию во "вторую Польшу", а в самой Польше еще более усилить русофобские настроения среди местной элиты и интеллигенции. Пересмотр существующих особых политических прав Финляндии допускался им лишь в той степени, в которой он позволял равномерно распределить общегосударственные тяготы на оборону, избегнуть взаимной дискриминации подданных Империи на территории Княжества и финских жителей на территории остальной России, а также устранить "несправедливые экономические преимущества" Финляндии перед Империей и наоборот [21, с. 46–47]. Политический же строй Финляндии и ее автономное положение, по мнению Шарапова, должны были оставаться неприкосновенными, не взирая ни на какие устремления русских националистов, в первую очередь, исходя из необходимости обеспечения военной безопасности столицы, а также как "прообраз будущего Славянского союза", поскольку пример автономной Финляндии в составе империи в будущем может быть воспринят славянскими народами и другими сопредельными государствами, желающими благополучно развиваться под крылом Российской монархии [22].

В условиях стремительного нарастания германской угрозы и в целях стабилизации обстановки на западных окраинах империи, Шарапов считал жизненно важным нормализацию отношений с Польшей путем взаимных уступок и компромиссов. В качестве одной из мер достижения данной цели он предлагал восстановить таможенную черту между Польшей и Россией и передать Царству Польскому части Ковенской, Виленской и Гродненской губерний с преобладающим там польско-литовским населением, исповедующим католицизм. Продвижение польской этнографической границы вглубь империи, оправдывалось тем, что в данных районах польская ассимиляция была гораздо сильнее русской и литовцы добровольно тяготели к Польше, а также тем, что это позволило бы усилить русские культурные элементы в соседней Литовско-Белорусской области [21, с. 47].

Шарапов считал Польшу естественным барьером против германского культурного напора и возможной в ближайшей перспективе военной экспансии. В силу данных причин, ее искусственное ослабление или насильственно проводимая русификаторская политика была способна лишь оттолкнуть поляков от России, бросив ее "в объятия" Германии. В стремлении нивелировать польские земли с остальными частями империи Шарапов усматривал большой вред для последней, поскольку зараженные либерализмом и конституционализмом представители польской шляхты и интеллигенции, в большинстве своем русофобски настроенные, не находя выхода своим устремлениям на родине, "заполняют Русь" и способствуют усилению революционных настроений в стране [6, с. 99]. Этим и объяснялось стремление Шарапова восстановить органы польского самоуправления, основы которого должны быть выработаны созданным Областным Сеймом, вернуть польскому языку его место в управлении, образовании и суде, прекратить преследования католической церкви и всяческие попытки насильственной русификации поляков [21, с. 48].

Таким образом, Шарапов считал целесообразным проведение лишь "защитной русификации", направленной на противодействие ополячиванию русского населения. Усилия же по русификации народов, сформировавших свою национальную культуру, имеющих развитое национальное самосознание, язык и традиции, какими являлись финляндский и польский народы, он считал нецелесообразными и вредными.

Главную угрозу целостности России и естественному интеграционному движению славянских народов Шарапов видел в растущей агрессивности "германизма" в Европе, вооруженное столкновение с которым он считал неизбежным. Пангерманизм, который мог предъявить права на остзейские губернии, ставил под сомнение лояльность прибалтийских немцев, всегда подчеркивавших свою верность российскому престолу, но не государству.

Это обстоятельство превращало Прибалтику в так называемое "сложное пограничье", где сталкивались интересы ряда государств и народностей [10, с. 35]. Разрубить этот узел противоречий, по мнению Шарапова, было возможно путем уничтожения "архаичных привилегий" немецкого рыцарства и бюргерства в российской Прибалтике.

Для достижения этой цели Шарапов предлагал довольно решительные меры по "выкуриванию немецкого духа", состоящие в обязательном введении русского языка в делопроизводство, образование (за исключением начальных школ), и местное управление, участвовать в котором местное дворянство может только при условии знания русского языка и окончания русской школы [21, с. 51]. Главной опорой имперских властей в данном регионе не должен стать местный эстонский и латышский элемент, который предлагалось всесторонне поддерживать и развивать. Необходимо отметить, что Шарапов принадлежал к тем представителям русской консервативной мысли, которые считали необходимым подчинять интересы местных традиционных элит общегосударственным целям, в том числе и путем их ослабления, используя противоречия между местными этно-социальными группами. На западных и северо-западных окраинах империи, по мнению Шарапова, именно народные массы и представлявшие их демократические круги являлись наиболее надежной опорой центральной власти, в отличие от местной аристократии, отстаивавшей исключительно свои корпоративные интересы. Эстонско-латышского сепаратизма Шарапов совершенно не опасался, полагая, что в силу своей малочисленности и культурной бедности этим народам суждено либо "русеть, либо немециться" [21, с. 51].

В отношении Средней Азии и Кавказа Шарапов выступал фактически за колониальную модель управления, в которой русский элемент, как "культивирующий и управляющий" должен иметь "явное и полное преобладание". Это мотивировалось "малокультурностью" местных жителей, а также наличием острых противоречий между местными народностями. Если на Кавказе в местном областном самоуправлении русский элемент должен составлять, по мнению Шарапова, не менее одной трети, то в Средней Азии его часть увеличивалась до двух третей, а само земское собрание, управляющее областью, должно иметь лишь совещательный характер при военном губернаторе. Во избежание межэтнических споров и конфликтов в администрации, самоуправлении, суде и школе должен господствовать русский язык, что предотвратит возможность усиления одной народности за счет другой [21, с. 51–52].

Таким образом, предлагаемая Шараповым программа в отношении национальных окраин сочетала в себе различные модели этноконфессиональной политики при

сохранении ее внутренней цельности. Траектория взаимодействия центра и окраин зависела от уровня их социального, политического и культурного развития, а также от комплекса внутренних и внешнеполитических факторов.

Характерной чертой, выдающей в Шарапове консервативного мыслителя-идеалиста, было стремление привнести в политические отношения между центром и национальными окраинами принцип нравственности, чести и совести. В наибольшей степени эта черта его воззрений по данному вопросу проявилась в "Открытом письме гг. депутатам Финляндского Сейма". Оно было написано в связи с предложенным П.А. Столыпинным законопроектом о порядке издания законов общеимперского значения, затрагивающих Финляндию, согласно которому из сферы Финляндского сейма изымались вопросы суда, налогообложения и обороны, а общеимперские законы распространялись на княжество.

Выступая против данного законопроекта и поддерживая финляндцев в их "законных правах", Шарапов, в то же время, указывает на то, что в ужесточении имперской политики в отношении их страны, в усилении националистической антифинляндской агитации есть немалая доля вины самого финляндского общества, ее государственных и общественных деятелей. Мыслитель подчеркивал, что в русско-финском конфликте в юридическом смысле финляндцы, безусловно, правы, но "правда юридическая не всегда совпадает с правдой нравственной" [20, с. 436]. Финляндия создана и приобщена к России самодержавной волей, использовавшей не только оружие, но и любовь, свидетельством которой стали конституционные обязательства, возложенные на династию и свято соблюдавшиеся монархами. Но в ответ на это нравственное движение, финны, по мнению Шарапова, "замкнулись на своей конституционной теории, отмежевались самым тщательным образом от остальной империи, воспитывали в себе отчуждение и презрение к великому народу, с которым Вас соединила судьба" [20, с. 437]. Именно это "несправедливое" отношение и стало почвой для антифинляндской политики, нашедшее свое воплощение в ряде правительственных мероприятий, нарушавших конституцию княжества.

Чтобы избежать введения в жизнь "глубоко несправедливого и позорного" закона, который не только еще более ограничит права Финляндии и, тем самым, отдалит ее от России, но и ляжет позорным пятном на честь и достоинство последней, он предлагает депутатам Сейма "подняться выше политического раздражения", дать понять русскому народу, что ограничительные меры не только не правомочны, но даже "грешны", ибо в них нет никакой необходимости. Шарапов призывал не просто к смирению, но к "нежному братскому попечению и сочувствию" со стороны финляндцев к русскому народу, уни-

женному антинациональным бюрократическим режимом [20, с. 441]. Фактически, Шарапов обращается к финнам, как к более развитому, культурному народу, способному стать на нравственную высоту и тем самым, спасая себя, спасти честь и достоинство русского народа-богослова от нового "бесчеловечного" националистического акта, таящего в себе "непоправимые несчастья".

Таким образом, по мнению Шарапова, формально-юридическая сторона взаимодействий имперского центра и окраин должна подкрепляться нравственными, теплыми, братскими связями, строиться не на одной букве закона, но на взаимной любви, христианском взаимопрощении, движении народов друг к другу.

Стремление построить отношения между центром и окраинами не только и не столько по "сценарию подчинения", легитимизма и права, сколько по "сценарию любви" характерно не только для Шарапова. О необходимости "стоять на почве полнейшей нравственной законности" в отношении национальных окраин неоднократно писал один из крупнейших представителей славянофильской мысли И.С. Аксаков, которого Шарапов почитал как учителя и идейного вдохновителя. Аксаков считал, что только "мирное, братское обсуждение междуплеменных, взаимных прав и отношений; ясное сознание, добытое таким путем, просвещенное беспристрастным уважением к истине и согретое взаимной любовью и снисходительностью" может стать залогом мирных и гармонических отношений между окраинами и имперским центром [1, с. 10].

Подобный идеалистический подход прослеживается не только в славянофильской среде. Взгляды представителей данного направления в этом отношении совпадают в своем основополагающем принципе с воззрениями крупного русского либерально-консервативного мыслителя и общественного деятеля Б.Н. Чичерина, который также считал, что истинный патриотизм заключается, не в силе и порабощении, а в нравственной правде, которая одна способна "поднять Отечество на высшую ступень умственного и нравственного развития". Рассматривая крайне болезненный для всех его участников польский вопрос, Чичерин призывал руководствоваться при его решении "нравственным чувством", "братской любовью", что, по его мнению, будет гораздо более эффективно способствовать сближению и мирному взаимодействию народов, нежели наложение однообразного ярма, выдаваемого за выражение народного духа. Разница между мыслителями состояла лишь в том, что один обращался с призывом к имперским властям и русскому обществу, а другой – к населению окраины [17].

Безусловно, нельзя не согласиться с тем мнением, что воззрениям Шарапова по многим вопросам, поднимаемым в его публицистике, в том числе по проблеме национальных окраин, свойственен прием редукции, т.е. ради-

кального упрощения картины мира, возвращающего выстраиваемые им модели социально-политических отношений к архаике и патриархальности [15, с. 65]. В то же время, неверным было бы утверждать, что его позиция по вопросу взаимодействия имперского центра и окраин являлась беспочвенной и наивной утопией. Славянофильские иллюзии относительно всеобщего славянского единения под эгидой Российского самодержавия не должны заслонять собой того факта, что идеи и предложения мыслителя в целом оставались в рамках обсуждаемых в российской общественной мысли способов решения национального вопроса, представляя собой умеренную, гибкую и ситуативную модель имперско-окраинной политики, искусно вплетенную в общую концепцию самоуправления и децентрализации Российского государства.

Шарапов искренне считал, что русскому народу, "под могучими крылами Русского Орла приютившему стольких обиженных и угнетенных", для которого "всякий чужой народ – брат во Христе, если он во Христа верует, и добрый сосед или соотечественник, если он во Христа не верует и русскому народу зла не делает", абсолютно чужд "хищный западный национализм" [19, с. 24]. Предлагаемая им программа взаимодействия центра и окраин, основанная на идеях христианского братства и добрососедства, сочетавшая имперские унитаристские ценности с правами окраинных народов на самобытность и участие в местном самоуправлении, представляла собой яркий и оригинальный пример настойчивых поисков новых путей сохранения целостности многонациональной Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Польский вопрос и западно – русское дело. Еврейский вопрос. 1860 – 1886. М: Тип. М.Г. Волчанинова.1886. 844 с.
2. ГАРФ, Ф. 1729, Оп. 1, Д. 142, л. 9–10
3. Дубянский А.Н. Программа реформирования денежного обращения в России С.Ф. Шарапова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 4. 2004. С. 74 – 82
4. Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века: Дис. ...канд. ист. наук. М.: 1995.
5. Корелин А.П. "Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов...": о причинах заката Российской империи // Вестник РУДН. Сер. История России. 2011. № 2. С. 23–34.
6. Кудряшов В.Н. Консервативно-утопическая интерпретация русификаторской политики в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. № 296. С. 96 – 101
7. Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.). СПб.: "Нестор-история". 2003. 80 с.
8. Лукьянов М.Н. "Россия для русских подданных!": консервативная оппозиция русскому шовинизму накануне Первой мировой войны. // Вестник Пермского университета. История. 2001. Вып.1, С. 142 – 151
9. Лукьянов М.Н. Консерватор и реформа: С.Ф. Шарапов о столыпинской России // Исследования по консерватизму. Вып. 5: Политика и культура в контексте истории. Пермь: 1998, С. 105 – 122
10. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2006. 248 с.
11. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 640 с.
12. Репников А.В. Последний романтик славянофильства. // Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб.: Царское дело. 2006. 808 с.
13. Русское дело. 1888. № 49
14. Суслов М.Д. Политическая программа С.Ф. Шарапова. // Вестник Пермского университета. История. 2003. Вып. 4. С. 100 – 111
15. Суслов М.Д. Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова. // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4(9). С. 56–65
16. Хрипаченко Т.И. Понятия федерация, децентрализация и автономия в социалистическом и либеральном дискурсах Российской империи (конец XIX – начало XX века). // "Понятия о России". К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: НЛО, 2012. 496 с. С. 99 – 142
17. Чичерин Б.Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытое письмо Н.К. Ренненкампа. // ОР РГБ. Ф. 126, оп. 1, к. 20, д. 7, л. 3–4
18. Шарапов С.Ф. Избранное. / Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
19. Шарапов С.Ф. Русские исторические начала и их современное приложение. М.: "Свидетель". 1908. 30 с.
20. Шарапов С.Ф. Открытое письмо гг. депутатам Финляндского Сейма // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
21. Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление // Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
22. Шарапов С.Ф. Что делать с Финляндией? // Свидетель. 1910. № 34.
23. Krot M. N., Dmitrieva N. V. Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century. // Bylye Gody. 2018 № 47 (1). Pp. 360 – 369.